

Зоя Баркалова

ГоряиНОВЫ

Последний поклон

Зоя Баркалова

Горайновы. Последний поклон

«Автор»

2026

Баркалова З.

Горяиновы. Последний поклон / З. Баркалова — «Автор», 2026

Эта книга как последний поклон моей маме Кириченко Марии Васильевне (урожденной Горяиновой). Много лет я слушала и записывала рассказы о жизни моей семьи по линии мамы из уст самой мамы, бабушки Насти и троюродной сестры мамы Цыбиной Марии Михайловны. Мама была самым младшим ребенком в своей большой семье, где рождались одни мальчики - самым любимым и желанным. Все ее братья ушли очень рано, кто еще в детстве, Гриша погиб на войне, Павел и Дмитрий - от болезней. Все свои недожитые и недопетые годы жизни они, наверное, отдали своей младшей сестренке Машеньке, моей мамочке. Она очень любила жизнь! И любовь эта была взаимной - жизнь ей подарила 96 лет! 22 февраля 2025 года мамы не стало. В память о ней эта небольшая книга рассказов. Это не повесть и не документальная хроника. Это память моей души и сердца. Это желание донести до наших потомков историю нашего рода, жизни наших предков, которые остались верны своей малой родине и завещали эту любовь и верность нам, своим потомкам.

© Баркалова З., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора.	6
Я – из рода Одинокowych	7
Два дома на Пятом яру.	8
Родная веточка	12
Боковая ветвь	15
Два брата – две судьбы	17
Женские судьбы рода	21
СТАРШИЕ СЫНОВЬЯ	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Зоя Баркалова Горяйновы. Последний поклон

Светлой памяти моей мамочки Кириченко Марии Васильевны посвящается...

От автора.

Эта книга родилась не сразу.

Долгое время она жила во мне – в обрывках бабушкиных рассказов, в редких семейных разговорах, в ощущении утраты и недосказанности. Я знала имена, помнила лица, слышала истории, но всё это существовало разрозненно, словно рассыпанные бусины без нити.

С годами стало ясно: если не собрать эту память сейчас – она уйдёт.

Уйдёт вместе с теми, кто ещё помнит.

Уйдёт тихо, без следа.

Я не ставила перед собой задачу написать научный труд или безупречное историческое исследование. Эта книга – не для архивов и не для отчётов. Она – для детей и внуков, для тех, кто однажды захочет узнать: кто мы, откуда, какой ценой.

Здесь есть точные даты и имена, найденные в документах.

Есть воспоминания, переданные со слов старших.

Есть то, что не подтверждено бумагами, но подтверждено памятью сердца.

Я сознательно ничего не приукрашивала и не смягчала. В жизни рода были и свет, и боль, и потери, и тяжёлые испытания. Но именно из этого складывается настоящая история семьи.

Эта книга – попытка удержать нить времени.

Соединить прошлое и настоящее.

Сказать тем, кто был до нас: мы вас помним.

И тем, кто придёт после: у вас есть корни.

Я – из рода Одинокowych

Наверное, в каждой семье есть своя легенда.

Та, которую не записывают сразу, но хранят в памяти, передают из уст в уста – от матери к дочери, от бабушки к внучке.

Есть такая легенда и в нашей семье.

От мамы я узнала, что по её линии всех в роду называли Одинокowychми, хотя официальная фамилия была другой – Горяйновы. В деревнях так бывало часто: когда в одном селе жило много однофамильцев, появлялись уличные прозвища. Иногда именно они становились важнее паспортных фамилий и жили дольше.

Нашу уличную фамилию дали не просто так.

У её истоков – судьба одного человека.

У него была большая семья. Он женился по большой любви. Жена родила ему шестеро детей – сыновей и дочерей, и он не чаял души ни в них, ни в своей любимой. Но судьба распорядилась жестоко: жена умерла совсем молодой, оставив мужа одного с шестью малолетними детьми.

Он долго горевал.

Поднимать детей одному, да ещё совмещать отцовский труд с тяжёлым крестьянским – было почти непосильным. Вокруг находились женщины, готовые выйти за него замуж, помочь, вырастить его детей как родных. Но ни одна не могла сравниться с той, что подарила ему эту жизнь. Он не смог предать память о ней.

Так он и остался верен своей любви до конца.

Дети выросли, появились внуки, потом правнуки. Род стал большим, разветвлённым, крепким. Но всех их продолжали называть по уличной фамилии их легендарного отца и деда – Одинокowychми.

В память о человеке, который не предал своей любви.

Так начинается история рода Горяйновых.

Два дома на Пятом яру

Ранней весной я зарегистрировалась на сайте Воронежского архива и ночами перелистывала страницы метрических книг Вознесенской церкви села Большая Казинка, разыскивая свою родную фамилию – Кириченко.

Почему ночью? Потому что ночью сайт работал быстрее. И потому что в доме была тишина. Такая работа требует сосредоточенности и внимания.

Весна и лето внесли свои коррективы – сад, огород, двор. Поиски пришлось отложить до осени.

К сожалению, метрических книг Троицкой церкви села Верхняя Гнилуша на сайте не оказалось. В сельской администрации мне сказали, что архивы были утрачены во время войны.

Но мне повезло.

Я успела расспросить нашу дальнюю родственницу – Марию Михайловну Цыбину. Ей было за девяносто, но память у неё оставалась удивительно ясной. Я записала историю рода с её слов, ещё при её жизни, и ничего в этих записях не меняю.

Два дома на Пятом яру.

Здесь когда-то стояли два дома наших предков.

Прапрадед Иван.

Прадед Филипп.

Двоюродный прадед Исай.

Дальше память почти обрывается.

Филипп и Исай Горяйновы были родными братьями. Их отец Иван был земледельцем – пахал землю, сеял, растил детей. Семья была большая, хозяйство крепкое. Земля была главным достоянием крестьянина, и каждому сыну отец выделял надел.

Жили они в селе Гнилуша, нынешнего Верхнемамонского района, на Пятом яру. Там стояла Троицкая церковь – престольная церковь нашего рода.

Когда сыновья выросли и обзавелись семьями, Иван поставил рядом две избы. Но жили братья по-прежнему одной семьёй – подворья даже не отгораживали забором. Помогали друг другу, приглядывали за детьми, вместе садились за стол.

Ветвь Филиппа Ивановича

Филипп Иванович, мой прадед, женился на Варваре.

У них было шестеро детей: сын Василий и пять дочерей – Татьяна, Елена, Полина, Мария и Анна.

О Василии, моём дедушке, разговор особый. Я помню его смутно – он умер, когда мне было всего два с половиной года. Но даже это короткое время оставило во мне память.

Анна Филипповна, сестра деда, больше известная мне как баба Нюра, вышла замуж за Трофима Еськова. Детей у них не было. У Трофима от первого брака осталась дочь Полина. Жили они в Гнилуше, а позже – в Павловске, в маленьком уютном домике над Тамбовским озером.

Трофим был человеком могучим, добрым и щедрым. Он умер в феврале 1979 года. После его смерти мир бабы Нюры стал рушиться. Дом был переписан на племянницу, Любовь Павловну. Вскоре бабу Нюру определили в дом престарелых, а дом продали.

Она сильно загрустила, обиделась на всех. Иногда приезжала к родне, но никого не хотела видеть.

Анна Филипповна прожила сто один год и умерла в доме престарелых в Воронеже.

Рядом жила Анастасия Павловна Цыбина – нянька Настя. Крупная, статная, сильная женщина с врождённой мудростью. Её родной сын погиб в детстве во время войны. При том взрыве пострадал и её брат Василий Павлович.

В старости баба Настя сломала ногу, долго лежала в больнице. Потом её забирали в Москву, но она вернулась в Павловск. После оформления завещания на дом её отправили в дом престарелых, где она и умерла.

Так повторилась одна и та же судьба.

Трагический узел рода

Эти строки записаны со слов Марии Михайловны Цыбиной, внучки Исая Ивановича. Люди говорили о ней просто: память у неё была удивительная. Она помнила не только имена и даты – она помнила характеры, судьбы, радости и утраты, словно всё происходило вчера. И так.

Татьяна, родная сестра моего деда, связала свою жизнь с Павлом Суслиным. В их доме выросло шестеро детей:

Василий, Илья, Анастасия, Елизавета, Алексей и Николай.

Судьбы последних двух затерялись где-то в стороне – как это часто бывало в больших семьях и в непростые времена. Их ветви пока не удаётся восстановить, но память о них всё равно остаётся частью общего древа.

У Василия Павловича Суслина родились трое сыновей – Василий, Николай и Леонид.

А вот Илья Павлович, как с усмешкой вспоминала Мария Михайловна, женился «раз семьдесят» – такова была его беспокойная натура. У него было три дочери: Антонина, Ефросинья, которую в семье все звали Фросей, и ещё одна, чьё имя не сохранила память.

У Антонины была дочь Надежда. В поисках лучшей доли она уехала в Москву, взяв с собой ребёнка, а позже перевезла туда и Фросю. Когда Антонины не стало, именно Фрося стала для девочки второй матерью – вырастила свою племянницу с любовью и терпением.

Дом Фроси в Москве всегда был открыт для родни. Туда ездили часто. Моя сестра Галина, пережив гибель первого мужа, добивалась в приёмной ЦК КПСС справедливой пенсии для сына, родившегося уже после смерти отца – и добилась. Мама и её сестра Мария Тихомирова ездили туда же – за редкими товарами, за надеждой, за поддержкой.

Фрося, а потом и Надежда, встречали всех тепло и радушно, как умеют только родные люди.

Елена вышла замуж за Ивана Горяйнова, семью которого в округе знали под уличным прозвищем Корзаковы. У них было пятеро детей: Прасковья, Пелагея, Павел, Николай и, по воспоминаниям дочери Прасковьи – Нины Фёдоровны Анненковой, ещё и Татьяна.

Николай, по словам Марии Михайловны, погиб на фронте – одна из тех утрат, о которых говорили тихо и сдержанно, но которые болели всю жизнь.

Прасковья связала свою судьбу с Фёдором Лыковым. У них родилось двое детей – Нина и Александр.

Нина Фёдоровна стала женой Виктора Фёдоровича Анненкова. Всю жизнь она посвятила медицине, работала медсестрой, а долгие годы – старшей медицинской сестрой терапевтического отделения Павловской центральной районной больницы. Это была работа, требующая не только знаний, но и большого сердца.

Её муж, Виктор Фёдорович, трудился начальником АТС Павловского РУС – надёжный, ответственный человек своего времени.

У них родились два сына – Игорь и Вячеслав.

У Игоря – сыновья Денис и Руслан, у Дениса – дочь Ксюша, продолжение рода и новая надежда.

У Вячеслава Викторовича – сыновья Виктор и Даниил.

Судьба Даниила оборвалась трагически рано. В двадцать лет он погиб от удара электрическим током, помогая бабушке с ремонтом электрического котла. Он учился в престижном вузе, был сильным, талантливым спортсменом, подавал большие надежды. Такие утраты особенно остро ощущаются в семейной памяти – как незаконченная строка, как несказанное слово.

Так складывается память рода – из радостей и бед, из больших дорог и маленьких домов, из подвигов и повседневного труда. Пока мы помним имена и рассказываем эти истории, род продолжается – не только в крови, но и в слове.

Александр Фёдорович Лыков женился на Марии.

У них родились двое сыновей – Сергей и Виталий.

Сергей занимался привозом и продажей строительных материалов. В октябре 1999 года его жизнь трагически оборвалась. Он умер внезапно, на глазах у близких.

Хоронили его 18 октября.

31 декабря того же года умерла его мать Мария. Она долго болела, но смерть сына ускорила её уход.

А 8 марта 2000 года ушёл и отец – Александр Фёдорович, человек добрый, весёлый, с неизменным чувством юмора. Всю жизнь он проработал шофёром, много лет – в автобазе № 6. За четыре месяца ушла почти вся семья.

Они похоронены рядом, у ограды, словно и после смерти не захотели расставаться.

Виталий Александрович женился на Любе. У них двое детей – Юлия и Артём. Он продолжает дело старшего брата.

Те, о ком почти ничего не известно

В каждом роду есть имена, о которых говорят тихо.

Не потому, что они были неважны, а потому что память о них не сохранилась.

О судьбе Полины и Марии – дочерей Филиппа и Варвары Горяйновых – известно совсем немного. Считается, что Полина выходила замуж, но умерла молодой. О Марии не осталось почти никаких сведений – только имя.

Есть в роду и другие судьбы, дошедшие до нас лишь строкой или упоминанием:

Пелагея и её дети – Татьяна, Мария, Прасковья, Виктор.

Павел Горяйнов, его сын Иван – тракторист, и его дети.

Тихон Павлович, живший в Воронцовке, и его дети.

Имена есть. Жизни были.

Но слова о них не дошли.

И, наверное, это тоже часть памяти рода – принимать не только то, что знаем, но и то, что утрачено навсегда.

РОДОВАЯ СХЕМА ВЕТВИ ИСАЯ ИВАНОВИЧА.

Родная веточка

И наконец – моя родная, прямая веточка. Та, что идёт прямо ко мне, через память сердца, через бабушкины рассказы, через семейные утраты и радости.

Мой дедушка, Василий Филиппович Горяйнов

(27 февраля 1893 – 8 марта 1963),

женится на моей любимой бабушке – Анастасии Михайловне Стрелковой

(7 ноября 1893 – 2 мая 1970).

Бабушкина семья жила в Верхней Гнилуше, на так называемой Середке. В округе их знали по уличному прозвищу – Князевы. Семья была большая: у бабушки родилось девять детей. Но выжили лишь четверо – так сурово распорядилась жизнь.

Имена всех детей уже не сохранились полностью. Моя мама, Мария, девятая по счёту, родилась 3 февраля 1929 года. Она застала в живых только троих братьев:

Павла (1913 г.р.), Дмитрия (1923 г.р.) и Григория (1924 г.р.).

Между Павлом и Дмитрием, а также между Григорием и Марией были ещё дети. Бабушка вспоминала их имена: Иван, Митрошка, Микита (Никита), Алёшка.

Трое умерли, как рассказывала бабушка, на одной неделе – «от живота», вероятно, от дизентерии.

Ещё один ребёнок погиб, сорвавшись то ли с дерева, то ли с крыши – он страдал лунатизмом.

Девочка умерла совсем крошечной, сразу после рождения.

Продолжение рода дали лишь две ветви – от Павла Васильевича, самого старшего сына, и от Марии Васильевны, самой младшей дочери.

Григорий погиб совсем молодым на фронте – либо 29 октября 1944 года, либо в январе 1945-го (в этом месте память даёт сбой). Ему было всего 20 лет.

Дмитрий, мой любимый крёстный Митя, с юности страдал расстройством мозжечка – в школьные годы они с одноклассником «проверяли голову на крепость», бились затылками о стену. Позже добавился тяжёлый сахарный диабет. Он женился на женщине по имени Алла, но уже через неделю она ушла, забрав с собой все свадебные подарки.

Ветвь Павла Васильевича

Павел Васильевич Горяйнов

(2 марта 1913 – 3 сентября 1980)

женится на Агриппине. Жили они тогда в Верхней Гнилуше. У них родились три дочери:

Любовь Павловна (20.03.1936 – 1996),

Татьяна Павловна (11.03.1948 – 29.11.2014),

Мария Павловна (25.05.1949).

Любовь Павловна вышла замуж за Артёма Николаевича Едрышова.

У них родилось двое детей – Сергей и Валентина.

Сергей Артёмович женился на Валентине. У них двое детей – Карина и Дмитрий.

Карина сейчас во втором браке, у неё трое детей: Елизавета, Даниил и ...

У Дмитрия дети от двух браков: сын Артём и дочери Анна и Есения.

Валентина Артёмовна вышла замуж за Виктора Жукова.

У них одна дочь – Марина, у Марины – сыновья Денис и Егор.

Ветвь Татьяны Павловны

Татьяна Павловна Горяйнова вышла замуж за Ивана Михайловича Трегубова.

У них двое детей – Елена и Виталий.

Елена Ивановна стала женой Михаила Коренцова. У них родился сын Виталий, который недавно женился, и у него появился сын Евгений.

Виталий Иванович женился на Светлане.

У них трое детей – Алина, Дарина и Данис.

Алина замужем за Никитой Чумаковым, у них родилась дочь Ульяна.

Ветвь Марии Павловны

Мария Павловна Горяйнова вышла замуж за Владимира Крыськина (фамилия отчима).

У них родились две дочери – Наталья и Людмила.

Наталья вышла замуж за Андрея Малахова, у них трое детей – Павел, Мария и Валерия.

Людмила вышла замуж за Ивана Привалова, у них двое детей – Полина и Дарья.

На этой ветви фамилия Горяйновых завершилась.

Ветвь Марии Васильевны – моей мамы

Мария Васильевна Горяйнова, моя мама, в 1953 году вышла замуж за Георгия Ивановича Кириченко, моего отца.

И по этой ветви фамилия Горяйновых также завершилась.

У родителей родилось четверо детей:

Галина (31.12.1954 – 15.04.2020),

Юрий (8.07.1956 – 18.07.1959), умер в три года от лейкемии,

Зоя (15.07.1960) – это я,

Любовь (4.09.1963).

У Галины Георгиевны трое детей от двух браков:

Андрей Николаевич Ендовицкий (1979),

Евгений Александрович (18.11.1982 – 1.12.2012),

Мария Александровна (1987).

У Андрея – сын Артём.

У Евгения – дочери Татьяна и Милена.

У Марии детей пока нет.

Моя ветвь

Я, Зоя Георгиевна Баркалова, вышла замуж 25 июля 1981 года за Виктора Ивановича Баркалова.

У нас трое детей:

Анастасия (1982),

Алексей (31.03.1984 – 08.03.2025),

Александр (1988).

Анастасия вышла замуж за Сергея Александровича Бондарева. У них двое сыновей – Александр и Дмитрий.

Алексей женился на Ольге Сергеевне Барановой, у них дети Сергей и София.

Александр женился на Татьяне Сергеевне Барановой, у них дочь Вероника и сын Вячеслав.

Ветвь Любви Георгиевны

Любовь Георгиевна вышла замуж за Игоря Викторовича Хохлова.

У них двое детей – Ксения и Диана.

Ксения замужем за Алексеем Полуэктовым, у них трое сыновей – Данила, Максим и Марк.

Диана вышла замуж за Вениамина Петрова (умер 8.07.2022). У них родились дочери-двойняшки – Ева и Алиса.

Итог

Итак, если подвести промежуточные итоги:
у бабушки Насти и дедушки Васи было шестеро внуков, вернее – внучек.
Род пополнился 14 правнуками и 28 праправнуками.
И пока мы помним имена – род живёт.

Боковая ветвь

Исая Ивановича Горяйнова

Эта ветвь идёт от Исая Ивановича Горяйнова – сына моего прапрадеда Ивана, родного брата прадеда Филиппа и дяди моего дедушки Василия.

О нём и его семье много рассказывала Мария Михайловна Цыбина, 1923 года рождения, старейшина нашего рода.

Исай Иванович был женат на Ефросинье. В их семье родился сын Михаил и дочери – Марфа, Агафья, Анастасия, Наталья и Анна.

Потомки дочерей Исая Ивановича

У Марфы Исаевны было трое родных детей – дочь Евдокия и сыновья Иван и Яков Горяйновы, а также приёмные дети, которых в семье воспитывали как своих.

Анастасия Исаевна вышла замуж за Козьму. В их семье выросли сыновья:

Яков Исаевич (работал директором),

Пётр Исаевич (невропатолог в Воронеже),

Иван, Алексей,

и дочери Прасковья и Татьяна.

Агафья Исаевна, выйдя замуж, уехала в Семикаракоры. Там у неё родились двое сыновей и две дочери – Анна и Мария. Оба сына воевали в Великую Отечественную войну: один погиб, второй вернулся с фронта. Анна умерла молодой – замуж выйти успела, но детей не оставила.

Наталья Исаевна Горяйнова, в замужестве Сырых, родила семерых детей:

Василия, Михаила, Якова, Ивана, Фёдора, Марию и ещё одного ребёнка, имя которого память не сохранила.

Ветвь Михаила Исаевича

Михаил, сын Исая Ивановича, женился на Александре из Русской Буйловки. Мама звала её тёткой Санюхой. В детстве семьи наших предков жили одним двором, вели общее хозяйство, занимались земледелием – жили просто и трудно, как все тогда.

У Михаила и Александры было пятеро детей:

Иван (1921 г.р.),

Василий,

Сергей,

Николай,

и дочь Мария.

Ивана призвали в армию ещё до войны. Во время Великой Отечественной он воевал в блокадном Ленинграде, служил политруком штаба и погиб.

Судьба Василия оборвалась особенно трагично. В десять лет его придавило песком в песчаном карьере. Это случилось на Николу вешнего, 21 мая, в воскресенье. Дети часто бегали туда кататься с кручи, как с горки. В тот день обрушилась песчаная глыба. Под ней оказались трое мальчишек:

Василий Горяйнов,

Саша Лыков,

Володя Яковлев из Павловска – всем было по десять лет.

Их искали всем селом. Родители ходили к гадалкам, и каждая говорила своё. Лишь один старик сразу сказал правду: мальчиков нет в живых.

Нашли их случайно только через четыре дня, в четверг: один мальчик с отцом поехали за песком, и ребёнок решил прокатиться с кручи – так и наткнулся на тела.

Сергей умер ещё младенцем – в шесть месяцев.

Николай прожил чуть больше года.

Но, как вспоминали в семье, все дети были крещёные.

Дочь Мария вышла замуж за Кузьму Родионовича Цыбина. У них родились два сына – Владимир и Николай.

Владимир умер, не оставив потомства.

У Николая и его жены Татьяны было четверо детей – Андрей, Марина, Ольга и Женя.

У Ольги Цыбиной (в замужестве Богдановой) родился сын Вадим.

Дед Исай

О самом Исае Ивановиче в семье сохранилось особое, тёплое воспоминание. Это был человек яркий, запоминающийся. Крепкий мужик, хороший столяр и плотник, настоящий хозяин.

Следуя крестьянской мудрости – готовь сани летом, а телегу зимой – в шестьдесят лет он сбил себе гроб впрок, покрасил его чёрной краской и поставил на чердак.

Случай понадобился только через сорок пять лет, когда дед Исай умер своей смертью, от старости. А все эти десятилетия гроб стоял на чердаке и наводил ужас на ребятишек, которые, играя в прятки, иногда туда забирались.

Если же говорить серьёзно – Исай Иванович Горяйнов прожил 105 лет, долгую, насыщенную жизнь.

Два брата – две судьбы

Филипп и Исай были родными братьями и жили одним двором. У каждого – большие семьи. И удивительное совпадение: у каждого был один сын и пять дочерей. Дочерей отдавали «на сторону», а сыновья оставались жить в родовых хатах.

Сын Филиппа – Василий, мой дед, был богатырского телосложения, с рыжеватыми волосами и роскошными усами. Лицо – славянское, глаза – с лукавинкой, всегда будто смеющиеся. Так говорила моя мама.

Когда пришло время женить сына, отправились сватать Настеньку Стрелкову (по-уличному – Князеву), жившую с родителями на середке в Гнилуше, в самом центре села. У неё были иссиня-чёрные волосы, заплетённые в тугую косу. Характер – покладистый, смиренный, добрая душа и большая труженица.

Бабушка Настя потом вспоминала: когда увидела жениха – рыжего, конопатого – расплакалась и убежала из избы, умоляя мать, Дарью Алексеевну, не отдавать её за этого рыжего.

– Доченька, стерпится – слюбится, – уговаривала мать. – Василий из хорошей семьи, хозяйство крепкое. Нищету трепать не будешь.

Как сложилось дальше – подробностей уже не знаем. Но бабушка Василия полюбила и уважала крепко. Муж её не обижал, был мастером на все руки: плотником, кровельщиком, жестянщиком, печником.

Потом бабушка не раз говорила:

– Гляну на своего Васю – ну какой же он у меня хороший. Лучше всех.

Значит, слюбилось.

Дети пошли один за другим. Первым родился Павел в 1913 году. Потом были и другие дети, умершие в младенчестве.

Свёкор и свекровь очень любили Настю, не могли нарадоваться на невестку. Бабушка рассказывала: бывало, идут они в воскресенье на ярмарку, купят гостинцев – а свёкор тайком сунет ей пряники под подушку, сюрпризом.

Но жизнь сладкой не была. Большое хозяйство: лошади, коровы, быки, овцы, козы, птица. А потом случилась беда – свекровь Варвара пошла доить корову, и её хватил удар. Девять лет бабушка Настя ухаживала за лежачей свекровью. И никогда не роптала.

Она была человеком редкой доброты – таким, кто способен согреть всех вокруг.

После смерти жены Филипп Иванович так и не женился. Односельчане прозвали его Одиноким, а потом и всю семью стали звать Одинокowymi.

Тайна происхождения

О том, что отец был дворянином, мама узнала ещё в советские времена – тихо, шёпотом. Об этом ей сказала тётя Таня Киндякова, мать того самого Киндякова, у которого после перестройки в Павловске появились магазины «Пчёлка» и «Тысяча мелочей».

В те годы о дворянских корнях лучше было не знать. Потом и другие родственники подтвердили это, уже после смерти бабушки и дедушки. Мама рассказала мне – тоже почти шёпотом.

Тогда я не поверила. Думала, путают дворянина с кулаком.

И лишь совсем недавно то же самое сказала Мария Михайловна Цыбина, старейшина рода. Я начала искать корни – и нашла.

Оказалось, всё просто, давно известно и всегда было рядом.

Дедушка Вася и бабушка Настя

Мой дед, Василий Филиппович Горяйнов, родился 27 февраля 1893 года в селе Гнилуша Павловского уезда Воронежской губернии. Женился он, по всей видимости, в 1912 году – потому что уже 2 марта 1913 года родился его старший сын Павел.

По рассказам бабушки Насти я знаю, что дед был на трёх войнах. Как она говорила – воевал в германскую (Первую мировую), Гражданскую и Великую Отечественную. Так уж, видно, было определено Богом: основные тяготы жизни ложились на плечи мужчины – он и пахарь, и воин.

За долгие годы существования Гнилуши её мужики не раз вставали на защиту Отечества. Не миновало село и Гражданской войны – самой страшной из всех: когда мужик пошёл на мужика, брат на брата. Красные и белые разделили не только страну – каждую семью, каждый двор.

По всей видимости, уже в 1914 году дед ушёл на Первую мировую. Потом была Гражданская. Василий Филиппович стоял за советскую власть. Где именно служил – не знаю. Но знаю другое.

Пока дед был в армии, к бабушке – тогда ещё совсем молодой женщине – повадился ходить один односельчанин по прозвищу Чулок. Он пытался ухаживать за ней. Бабушка, женщина набожная и скромная, возмущалась до глубины души и гнала его прочь. А Чулок, по рассказам селян, был ведьмаком и наслал на неё «килы» – гнойники по всему телу.

Бабушка написала письмо мужу, рассказала о своей беде. И дед каким-то образом сумел на несколько дней вырваться домой. Он пришёл к Чулку и сказал коротко и жёстко:

– Снимай наговоры. Иначе убью. Ты меня знаешь.

Чулок поверил. Болезнь снял. Бабушка поднялась. И всё то время, пока она выздоравливала, дед был рядом с ней.

Родовой дом

Вся семья жила в родовом доме Горяйновых в Гнилуше. Дом был дубовый. Он, слава Богу, жив до сих пор и, кажется, простоят ещё не одну сотню лет.

В доме было две большие комнаты:

кухня – с русской печкой-кормилицей, и зал.

В зале, в святом углу, стоял огромный, почти двухметровый дубовый стол. По обе стороны – углом – тянулись деревянные лавки, сходясь как раз в красном углу. Там висели иконы, покрытые вышитыми рушниками. У стены стоял большой сундук с льняными рубашками и цветастыми платками – почковыми. На стенах – фотографии: дед в солдатской форме, детские портреты.

Фотографии, к сожалению, не сохранились. Во время эвакуации их закопали в землю вместе с первоклассным дедушкиным инструментом, подушками и перинами. Когда вернулись – ничего не нашли. Видно, нашлись предприимчивые люди...

В кухне стояла родительская кровать с пуховой периной и большой подушкой во всю ширину. Накрывали их рядюшками. В углу висел поставец для соли, сахара, чая и спичек. Вся мебель была сделана дедушкой.

Полы – из широких сосновых досок, натёртых до жёлтого блеска красным кирпичом. На полу – самотканые половички. Селяне соревновались друг с другом, стараясь нарядить избу красивее.

Дети сидели за столом на крепких дубовых лавках, а родители – на стульях. Я их помню: круглые, со спинками, под венские. Дед сделал их сам.

Чай, заваренный душистыми травами, пили из огромного медного самовара. Мама рассказывала, что в трёхлетнем возрасте схватила самовар за краник и потянула на себя. Кипяток облил грудь, плечи, живот, руки. Родители схватили ребёнка и повезли за семь километров в больницу. Следы ожогов остались у мамы на всю жизнь.

Я помню этот самовар. В 1974 году, когда родители перекрывали дом шифером, мы с младшей сестрой Любой залезли на чердак и нашли его. Дед Трофим показал, как чистить медь. Мы долго тёрли бока самовара, пока он не засиял. Но практического применения не нашли – и он снова отправился на чердак, где и достался новым хозяевам.

Деревенская жизнь

Бабушка пекла высокий круглый хлеб в русской печи. Терла свёклу, тыкву, добавляла вишню и варила варенье – деревенские сладости.

Зимой ткала холсты из конопли, пряла пряжу. Коноплю срезали, сушили, выбивали семечки, замачивали, снова сушили, мяли, толкли, чесали – и только потом начинали прясть. Холсты ткали рулонами по 10–20 метров. Весной их вымачивали и сушили на траве до белизны. Зимой из них шили рубахи и простыни.

Бабушка вышивала крестиком и гладью подзоры, наволочки, рушники. Особенно наряжали избы к Пасхе и Троице – престольному празднику Гнилуши.

Дед шил обувь, выделывал кожу, делал бочки, телеги, арбы, вёдра, тазы. Во дворе стояли огромные сараи, была и столярная мастерская с отличным инструментом.

В огороде сажали картошку, тыкву, коноплю, огурцы, горох, помидоры. В саду росли яблони, сливы, вишни, тёрн. Всё солили и мочили в больших бочках, хранили в глубоком круглом погребе с «рукавом».

Когда фруктовые деревья обложили налогом, сад пришлось выпилить – под слёзы всей семьи.

Печь топили кизяками. Заготавливали их весной: месили навоз, формовали, сушили, складывали «ёлочкой», потом «пятками». Зимой кизяки горели жарко и долго держали тепло.

Позже родовой дом перевезли в Павловск. Он и сейчас стоит на Петровской площади в первозданном виде – его так никто и не перестраивал.

ИСПЫТАНИЯ

Рядом жила семья двоюродного брата деда – Михаила. Хозяйство у Василия Филипповича было крепкое. Бабушка рожала почти каждый год, ухаживала за парализованной свекровью. Жизнь была тяжёлой.

Во время коллективизации вошли в колхоз. Всё хозяйство дед сдал туда. Работал кладовщиком-учётчиком, был мастером на все руки.

В голодные тридцатые годы, благодаря деду, выжили две семьи – он кормил свою многочисленную родню и семью двоюродного брата, ежедневно вынося из амбара по полведра чечевицы, из которой варили суп и кашу.

Женские судьбы рода

Если присмотреться к истории нашего рода внимательнее, становится ясно: его держали женщины.

Мужчины уходили – на войну, на дорогу, в работу, в смерть.

А женщины оставались. С детьми. С домом. С памятью.

Они редко выбирали свою судьбу. Но почти всегда несли её достойно.

Варвара – прабабушка, жена Филиппа Ивановича, – родила шестерых детей. О ней известно немного, но достаточно одного факта: после неё остался крепкий, многочисленный род. Значит, была сильной. Другими в те времена просто не выживали.

Её дочери понесли дальше не только жизнь, но и характер рода.

Анна Филипповна – баба Нюра – была худенькой, хрупкой, тихой. Она жила как будто за чьей-то спиной: сначала в родительском доме, потом за мужем. За Трофимом Еськовым она действительно жила «как за каменной стеной».

Но когда этой стены не стало, мир оказался слишком жёстким. Дом перестал быть домом, родные – родными. Она прожила сто один год, но последние годы – не там, где хотелось бы. И в этом – одна из самых горьких женских судеб рода: долгую жизнь прожить не значит прожить её спокойно.

Анастасия Павловна, нянька Настя, была другой. Крупная, статная, сильная – настоящая русская женщина. Та, что и коня удержит, и дом сохранит. В её жизни было много боли: гибель сына, увечье брата, одиночество старости.

Она знала, как держаться, как выживать, как не сломаться. Но даже такая сила оказалась бессильной перед человеческой корыстью. Дом, завещание, дорога в дом престарелых – и здесь судьба повторилась.

Татьяна, сестра моего деда, прожила жизнь в заботах о большой семье. Шестеро детей – это целый мир. Она не оставила после себя громких историй, но оставила людей. А это, пожалуй, главное, что может сделать женщина в роду.

Елена вышла замуж, родила пятерых детей. Один из сыновей погиб на фронте – и эта утрата навсегда осталась в семейной памяти. Женщины редко говорят о таком вслух. Они просто продолжают жить, словно боль – это ещё одна обязанность.

Прасковья, Нина, Антонина, Фрося...

Женщины нашего рода умели подхватывать чужих детей, воспитывать племянников, заменять матерей. Они умели быть опорой не только своим, но и тем, кого жизнь оставляла без защиты.

Даже когда судьба складывалась тяжело, они оставались гостеприимными, тёплыми, открытыми. К ним ехали – за помощью, за поддержкой, за надеждой. И двери их домов были открыты.

Женские судьбы нашего рода – это не истории про счастье.

Это истории про стойкость.

Про умение не ожесточиться.

Про способность сохранить в себе человечность, несмотря ни на что.

И, наверное, именно поэтому род жив.

Потому что женщины в нём умели не только рожать детей, но и удерживать мир от распада.

СТАРШИЕ СЫНОВЬЯ

Павел, Дмитрий и Григорий

Павел – «дом, который дед передвинул ближе»

Старший сын, Павел, родился в 1913 году. В 1935-м, в двадцать два года, он женился на Агриппине Николаевне. Её судьба с юности оказалась рядом с нашей семьёй: лет в пятнадцать её отдали в дом моей бабушки Насти «в няньки», и так она стала своей – ещё до того, как стала невесткой.

После свадьбы дед отделил молодую семью, построив им дом на краю деревни. А когда недалеко от отчего дома освободилось место, дед перевёз дом сына ближе – как будто не просто стены переместил, а саму ветку рода подтянул к корню.

В 1936 году у Павла и Гриппы родилась первая дочь – Люба. Потом была Мария, но она умерла во младенчестве. Уже после войны в семье появились ещё две дочери: Татьяна (1948 г.р.) и Мария (1949 г.р.).

Павла Васильевича в армию не призывали. Он работал в колхозе комбайнёром, был на хорошем счету. Агриппина трудилась в поле – тихо, ровно, по-женски вынесла то, что выпадало деревенской доле.

Дмитрий – «мой крёстный Митя»

Дмитрий, 1923 года рождения, учился сначала в Верхнегнилушанской школе, а десятилетку окончил уже в Павловске. Учился блестяще – «на одни пятёрки». И как это часто бывает, беда пришла не на войне и не в дороге – пришла в школьной игре.

В десятом классе ребята затеяли силовое состязание: сцепляли руки в «замок» на шею друг друга и перетягивали. Дмитрий стоял возле стены, когда соперник резко разжал руки, – и мой крёстный со всей силы ударился головой об стену.

Он никому не сказал. Но скоро дома заметили: сын мучается нестерпимыми головными болями, потом начал терять сознание и падать на ходу. Бабушка с дедушкой возили его по врачам, повезли в Воронеж. Долго не могли понять причину – пока не устроили настоящий допрос:

– Расскажи, должен же быть толчок. Падал? Ударился?

И тогда Дмитрий признался. Диагноз был тяжёлый: расстройство мозжечка. С тех пор всю жизнь он страдал нарушением координации, ходил с палочкой.

И всё равно он учился. Сначала окончил в Павловске годичные курсы агронома, потом – Таловский техникум, получив диплом агронома и сдав экзамены экстерном на «пятёрки». К этому времени болезнь уже не отпускала: во время учёбы в Таловой он тяжело заболел диабетом. В семье считали, что причиной могло стать сильное переохлаждение в дороге.

Его распределили агрономом в Архангельскую область, но он быстро вернулся: болезнь прогрессировала, он уже колот себе инсулин.

Он попытался построить семью и женился, но молодая жена сбежала через неделю после свадьбы.

Крестного я помню хорошо. До конца дней он жил с матерью, моей бабушкой. Он был человеком образованным, выписывал много газет. Я вижу это до сих пор: после обеда он заходил в свою маленькую комнатку и разворачивал «Советскую Россию».

День памяти крестного – в Крещенский сочельник. Ему было всего сорок пять лет. Сахарный диабет. Он не вышел из комы.

Мне было семь лет. И я помню тот вечер до мельчайших подробностей.

У меня был настоящий крестный. Не формальный участник обряда, а человек, который по-настоящему исполнял роль крестного отца. В православии для девочки главной считается крестная мать. В моём случае так не сложилось. Моя крестная – тётя Катя – после крещения словно забыла о своём существовании в моей жизни. Мы с её дочерью учились в одном классе, и забыть меня было невозможно. Но Бог ей судья.

Зато у меня был он – мой крестный Митя. Родной дядя. Очень больной человек и при этом необыкновенно тёплый, внимательный, настоящий.

Крестный был худой, всегда ходил с палочкой. В юности, ещё школьником, он получил тяжёлую травму: во время глупой игры парни сцепляли руки на шее друг друга и пытались перетянуть соперника. Руки у партнёра разжались, и крестный со всего размаха ударился затылком о стену. Потерял сознание. Никому сразу не рассказал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.